

Отражение южнославянского *r в заимствованиях из старорумынского в цыганский¹

Сплошной просмотр северновлашских цыганских (кэлдэрарских и кишинёвских) заимствований из румынских диалектов подтверждает, что: (1) румынский язык до позднего времени безупречно сохранял латинское *-rr-* внутри слова, (2) в балканороманских диалектах, в т. ч. в румынском языке, в начале слова лат. *r-* > **rr-*. Кроме того, можно сделать новое наблюдение, что (3) в южнославянском диалекте, из которого заимствовали много слов носители «раннерумынского» языка, было два отчётливых аллофона /r/: мягкий — перед **ě* (и, возможно, перед **b*) и твёрдый — во всех остальных случаях (в т. ч. перед **e* и, вероятно, перед **i*), которые давали рум. *-r-* и *-rr-* соответственно.

Ключевые слова: цыганский язык, румынский язык, южнославянские языки, языковые контакты, историческая фонетика

Здесь пойдёт речь о слабо изученном румынском архаизме — сохранении «долгого» */r̄/. В современном румынском литературном эта фонема полностью слилась с обычным /r/, а её следы в ряде случаев видны лишь по следующим задним гласным: *i* > *î* и *e* > *ă*. Чаше всего это проявляется в начале слова: лат. *rīsu-* > **rrisu* > **rrīsu* > рум. *rîs* ‘смех’; в середине слова примеров мало: ср. лат. *interrītāre* > рум. *întârîtă* ‘раздражать’, но лат. *ēricius* > **arici* > рум. *arici* ‘ёж’ (не ***arîci*).

То же развитие гласных, что и после */r̄/, имело место после отвердевших согласных (в диалектах): **sita* (из слав.) > диал. *śită*, литер. *sîtă* ‘сито’; **zidu* (из слав.) > диал. *zîd*, литер. *zîd* ‘стена’; лат. *vessica* > диал. *băşîcă*, литер. *băşîcă* ‘пузырь’; **žiru* (из слав.) > диал. *ĵîr*, литер. *jîr* ‘жёлудь’ (Rosetti 1986: 625).

Старая долгая фонема */r̄/ («*rr*») сохраняется маргинально в части румынских диалектов, чьи описания ненадёжны и обрывочны. В большинстве случаев следы старого состояния почти затёрты. Рукописные свидетельства дают довольно мало, т. к. особый знак для /r̄/ писался непоследовательно (Rosetti 1986: 480; Densusianu 1938: 121)².

Однако от внимания исследователей, насколько нам известно, ускользает, что это */r̄/ сохраняется в цыганских (северновлашских) заимствованиях из румынского. Цыганские влашские диалекты формировались начиная примерно с XIII–XV вв. в контакте с румынским языком. В них эта фонема (обозначаемая как /r̄/ и реализуемая раскатисто или картаво, т. е. заднеязычным [ʁ]³) фигурирует не только в заимствованиях из румын-

¹ Работа выполнена при поддержке фонда РФНФ, грант №16-34-01044: «Изучение и описание влашских диалектов цыганского языка в России». Автор благодарит С. Г. Болотова, Марка Гринберга, Мате Каповича, А. С. Касьяна, К. А. Кожанова, С. А. Лашина, Орсата Лигорио, В. А. Панова, Войцеха Смочиньского и анонимного рецензента. Условные обозначения: * — реконструированная, не засвидетельствованная форма; ** — не существующая (в некоторых случаях ожидаемая) форма; > — даёт фонетически; < — происходит фонетически из; ← — заимствовано из; ⇐ — получено морфологически из; ~ — находится в свободном варьировании с; : — находится в отношении чередования с; + — сложение с.

² Впрочем, Росетти пишет, что в XVI в. в части памятников обозначение *ř* постоянно, но приводит примеры, из которых, если мы правильно их понимаем, следует скорее обратное.

³ Как, например, факультативно в португальском, ср. порт. *riso* ‘смех’ [ʁrizu] или [ʁizu].

ского, но и в исконной (индийской) лексике, где восходит к индийским ретрофлексным зубным *ṭ* и *ḍ* в ряде позиций (Ослон 2018б). Это значит, что ко времени контакта с румынами, например, др.-инд. *ḍomba-* ‘член касты домов’ (в новоиндийских языках: *ḍom*) > цыг. *ṛom* ‘цыган; муж’ скорее всего звучало как [ṛom] (с долгим, раскатистым сонантом, как сейчас во многих диалектах и говорах) и так же, вероятно, звучало румынское */ṛ/, которое заимствовалось в цыганский именно в этом виде. Больше всего примеров на такие заимствования показывает кэлдэрарский диалект.

В связи с румынским пластом заимствований в кэлдэрарском (как и вообще в северновлашских диалектах) имеется несколько загадок. Так, кэлдэрары и близкие им группы по сей день сохраняют старорумынские формы ряда слов, ср. кэлд. *vr'ămia* ‘время’ (ст.-рум. *vreāte*, совр. *vréme*) и др., притом что в румынских диалектах, кажется, нет никаких следов таких форм уже несколько сот лет. Сохранение /ṛ/ у северновлашских цыган не менее загадочно. Складывается впечатление, что они активно имели дело с румынами в средние века, но потом в течение долгого времени или вообще с ними не общались (что совершенно невероятно, ведь они были крепостными у румынской знати, а также бродячими ремесленниками в исключительно румынском языковом окружении), или владели только каким-то особым архаичным вариантом румынского языка, проявлявшим поразительную стойкость против влияния современных ему румынских диалектов.

Приведём более или менее исчерпывающие списки заимствований с фонемой /ṛ/ в кэлдэрарском (в основном наши данные (Ослон 2018а), в противном случае из словаря ДД) и кишинёвском⁴ (Кожанов рук.) диалектах, механическую реконструкцию источника заимствования («раннерумынская»⁵ форма)⁶, современную литературную румынскую форму, а также краткую этимологическую справку. Поочерёдно рассмотрим начальную, срединную и конечную позиции в слове.

Начало слова

В начале слова северновлашские /ṛ/ и /r/, как и во всех остальных позициях, противопоставлены фонологически. В дорумынских словах (т. е. исконных индийских и грецизмах) здесь может быть как ṛ-, так и r-, ср. *ṛaj* ‘палка’ : *raj* ‘господин’; *ṛyl* ‘flatulentia’ : *riś* ‘медведь,’ *rin* ‘напильник’ (грецизм); *ṛoj* ‘ложка’ : *rovlì* ‘трость’. Однако в заимствованиях из румынского здесь бывает только /ṛ/. Начнём с исконнорумынских, т. е. романских слов:

кэлд. *ṛyso* ‘очень’, ‘смех’ (ДД) ← раннерум. **rrîsu* (рум. *rîs*; в памятниках: *rride*, ‘смеяться’, Densusianu 1938: 121) < лат. *rîsus*;

кэлд. *ṛyра* ‘яма’ ← раннерум. **rrîpa* (рум. *rîpă*) < лат. *ripa*;

кэлд. *ṛădăcina* ‘корень’ ← раннерум. **rrădăcina* (рум. *rădăcină*; в памятниках: *rradăcinra*, Densusianu 1938: 121) < лат. *rădīcīna*;

кэлд. *ṛăvda* ‘терпение’ ← раннерум. **rrăbda*, неясно, но ср. рум. *răbdă* ‘терпеть’ (в памятниках: *rrebda*, Densusianu 1938: 121);

кэлд. *ṛăca* ‘утка’ ← раннерум. **rrăța* (рум. *rața*) < (?) **ratia* (Skok 1971: 92);

⁴ Кишинёвский диалект — ответвление лээшского, самого распространённого диалекта нынешнего государства Молдавия, массово представленного также на территории Румынии.

⁵ К «раннерумынскому» языку мы здесь условно относим праформы румынских слов (с фонемой /ṛ/), в разное время (?) заимствованных северновлашскими цыганами. «Старорумынскими» мы называем слова, фиксируемые румынскими памятниками до XVIII в. включительно.

⁶ Судя по всему, кэлдэрары заимствовали румынские существительные в определённой форме (т. е. с постпозитивным артиклем): с гласным исходом на —а, с согласным — на —и.

- кэлд. *řàta* ‘колесо’ ← раннерум. **rrōáta* (рум. *roată*) < лат. *rota*;
 кэлд. *řàkàrà* ‘прохлада’ ← раннерум. **rrākoárea* (рум. *răcoáre*) ← **rrāce* (рум. *rece*, диал. *rāce* ‘холодный’ < лат. *recens* ‘свежий’ ← ‘недавний’, DER: 685, 694);
 кэлд. *řŭncedo* ‘прогорклый’ ← раннерум. **rrŭncedu* (рум. *řŭnced*) < лат. *rancidus*;
 кэлд. *řuzŭna* ‘ржавчина’ ← раннерум. **rrugŭna* (рум. *rugŭnă*) < лат. **aerŭgina* (DER 708);
 кэлд. *řŭta* ‘червяк’ ← раннерум. **rrŭta* (рум. *řŭtă*) ← *řŭtă* ‘нюхать’ < лат. *řŭmāre*;
 кэлд. *řăgŭla* ‘семейный круг’ (?) ← раннерум. **rrăgŭla* (рум. *răgŭla* ‘род, племя’) < лат. *rēgula*;
 кэлд. *řŭja* ‘злой’ (прил. ← сущ.) ← раннерум. **rrŭja* (рум. *řŭie* ‘парша’) < **rrānĭja* < лат. *arānea* ‘паутина’;
 кэлд. *řavŕil* ‘моросит’ ← раннерум. **rrŭurá* (рум. *řŭurá*) ← **rrŭci* (рум. *řŭi* ‘река’; в памятниках: *rriu*, Densusianu 1938: 121) < лат. *rĭvus*;
 кэлд. *řudil* ‘молит’ ← раннерум. **rrugá* (рум. *rugá* ‘просить’; в памятниках: *rruga*, Densusianu 1938: 121) < лат. *rogāre*;
 кэлд. *řăguřŭl* ‘хрипнет’ ← раннерум. **rrăguřŭ* ← лат. приставка *re-* + рум. *gŭřă* ‘зоб’;
 киш. *řàva* ‘роса’ ← раннерум. **rrōáva* (рум. *róuă*) ← лат. *rō[s]-* (как рум. диал. *zŭiă* ← *zi* ‘день’) (DER: 707).

Таким образом, в начале слова наблюдаем ситуацию, аналогичную таковой в иберийских языках, ср. исп. */ř/áiz* ‘корень’. Среди балканороманских языков имеем протезу в арумынском, ср. (вариант) *arāmān* ‘арумын’ < **rromāni* < лат. *rōmānus* ‘римлянин’. Всё это говорит о том, что балкано-романские народнолатинские говоры фонетически развили раскатистый приступ: лат. *r-* > **rr-*, как в иберийской латыни. Начальное раскатистое *rr-* в румынском в какой-то мере отражено ранними памятниками (Densusianu 1938: 37).

Точно так же, как в цыганских заимствованиях из румынского исконно романских слов, имеем только начальное */ř/* во всех славизмах, попавших в цыганский через румынский:

- кэлд. *řŭndo* ‘ряд’ ← раннерум. **rrŭndu* (рум. *řŭnd*; в памятниках: *rrŭnd*, Densusianu 1938: 121) ← юсл. **rĕdъ*;
 кэлд. *řŭda* ‘дышло’ ← раннерум. **rrŭda* (рум. *řŭdă*) ← юсл. **rŭdà*;
 кэлд. *řatija* ‘водка’ ← раннерум. **rrākĭja* (рум. диал. *răchĭe*) ← юсл. *rakĭja* ← тур. *rakĭ*;
 кэлд. *řòfa* ‘платье’ ← раннерум. **rrókĭa* (рум. *róchie, róche*)⁷ ← юсл. (?), ср. схрв. *ròklja* ← венг. *rokol(y)a* ← нем. *Röcklein* (Skok 1971: 156);
 кэлд. *řŭbla* ‘рубль’ ← раннерум. **rrŭbla* (рум. *řŭblă*) ← юсл. (?) ← рус. *рубль*;
 кэлд. *Řusŭja* ‘Россия’ ← раннерум. диал. **Rrusŭja* (рум. стар. *Rusŭia*, Гинкуловъ: 5, теперь *Rusia*) ← юсл. *Rusŭja* (новошток. *Rŭsija*);
 киш. *Řusàle* ‘Троица’ ← раннерум. **Rrusalĭje* (рум. *Rusălie, Rusăle*) ← юсл. или через другое посредство (с фонетич. трудностями) из лат. *Rosălia* (DER: 710);
 кэлд. *řatèzo* ‘щеколда’ ← раннерум. **rrătèzu* (рум. *rătez, retez*) ← юсл. ?, ср. рус. *рѣтязь*, пол. *rzeciądz* (венг. *retesz*);
 кэлд. *řygyjil* ‘рыгает’ ← раннерум. **rrĭgŭjĭ* (рум. *řĭgŭjĭ*, наст. 3. ед. *řĭgŭie*) ← юсл. **řĭgati* (ударение как в рум.!);
 кэлд. *řăspil* ‘рассеивает’ ← раннерум. **rrăřĭpĭ* (рум. *řisipĭ*, вост. диал. *řisĭpĭ*, стар. *řăsipĭ*) ← юсл. **rasip-* < **raz-syp-*;
 кэлд. *řăzgajil* ‘нежит’ ← раннерум. **rrăzgĭjĭ* (рум. *răzgĭjĭ*) ← юсл. ? (ср. болг. *разгалям*).

⁷ В старорумынском *kl' > k'* не позднее XV в., причём, возможно, в разных диалектах по-разному (Rosetti 1986: 480). Примерно в это время начался контакт влашских диалектов цыганского языка с румынским.

Середина слова (между гласными)

В срединной позиции видно, что сохраняется латинское *-rr-*:

- кэлд. *càřa* ‘народ’ (*‘страна’) ← раннерум. **řarra* (рум. *řarǎ* ‘страна’) < лат. *terra*;
 кэлд. *kəřàřa* ‘пробор’ ← раннерум. **kǎrràřea* (рум. *cǎrǎre* ‘тропинка; пробор’) < лат. *carraria*;
 киш. *kyřùca* ‘повозка’ ← раннерум. **kǎrrùřta* (уменьш.; рум. *cǎruřă*) ⇐ **carru* < лат. *carrus* (DER: 140);
 киш. *kyřùl* ‘носит’ ← раннерум. **kǎrrá* (рум. *cǎrǎ*) < **carrāre* ⇐ *carrus* (DER: 140);
 киш. *skuřùl / skořùl* ‘выжимает; уменьшается’ ← раннерум. **skurrá* ⇐ лат. *excurrere* ‘убегать’ (в т. ч. о жидкости), очевидно, в румынском смешение с корнем *cur-* ‘чистить’ (DER: 266), однако, как видим, цыганский сохраняет долгий согласный;
 кэлд. *bəřǎndəvo* ‘потроха (блюдо)’ ← раннерум. **borrùndǎvu* (рум. *borùndǎu* ‘блюдо с кровью и мясом’) неясного происхождения, но с первой частью, возможно, под влиянием глагола *borù* ‘блевать’ < **abhorrire* (DER: 98);
 киш. *čořòj* ‘ворон’ ← раннерум. **čorròj* (рум. *cioroi*) при *cioárǎ* ‘ворона’ < **čorra* неизвестного происхождения, но ср. алб. *sorrë* (соответствие *rr*);
 кэлд. (*v*)*uřùto* ‘противный’ ← раннерум. причастие **urrùtu* (рум. *urùt*) от глагола **urrù* (рум. *urù* ‘ненавидеть’) < **horrire* (DER: 877).

Сюда же кэлд. *cùřa* ‘чуть-чуть’ ← раннерум. **řirra* (рум. *řirǎ*) без этимологии.

Там, где в латыни обычное *-r-*, имеем обычное *-r-* и в цыганском:

- кэлд. *vəro* ‘двоюродный брат’ ← раннерум. **vǎru* (рум. *vǎr*) < лат. *verus*;
 кэлд. *mùra* ‘ягода’ ← раннерум. **mùra* (рум. *mùrǎ*) < лат. мн. *mora* и мн. др.

Ср. также кэлд. *-ri-* ← раннерум. *-ri-* < лат. *-lī-*:

- кэлд. *burika* ‘пупок’ (смена рода) раннерум. **buriku* < лат. **umbilicus* (рум. *buríc*)

Но есть пример (один?) на «лишнее» долгое /ř/:

- кэлд. *pàřuřa* ‘рогоз’ ← раннерум. **pàřurra* (рум. *pápurǎ* ‘рогоз’) при предполагаемом лат. **papurra* ⇐ лат. *papyrus* ← гр. *πάπυρος*.

При этом в срединной позиции между гласными в славизмах, полученных цыганами через румынское посредство, /ř/ встречается в большинстве примеров:

- кэлд. *vǎřo* ‘известь’ ← раннерум. **vǎrru* (рум. *var*) ← юсл. **vârǎ*;
 кэлд. *dǎřo* ‘взнос от гостя на свадьбе’ ← раннерум. **dǎrru* (рум. *dar*; в памятниках: *darrù*, Rosetti 1986: 480) ← юсл. **dârǎ*;
 кэлд. *komàřa* ‘клад’ ← раннерум. **komqárra* (рум. *comoárǎ*) ← юсл. **komǎra* < псл. **kombra* (← лат. *càtara* ← гр. *καμάρα* ‘свод’);
 кэлд. *pàřa* ‘пламя’ ← раннерум. **párra* (рум. *pářǎ*; в памятниках: *parra*, Densusianu 1938: 121) ← юсл. *pǎra*;
 кэлд. *sùřo* (ДД) ‘серый’ ← раннерум. **sùrru* (рум. *sur*) ← юсл. **sûrǎ*;
 кэлд. *zguřa* ‘зола в печи’ ← раннерум. **zgùrra* (рум. *zguřa*, *sgùřa* ‘окалина’) ← юсл. **zgir...* (?), ср. болг. *сгурѝя*, *згурѝя* ‘шлак’, с озвончением *z-* < **ск-* (по аналогии с болг. *горѝя* ‘гореть’ (?), БЕР VI: 570) ← нгр. *σκουρ(ι)ά* < *σκωρία* ‘ржавчина, накипь, шлак’ (DER: 755).

Во всех приведённых примерах раннерум. /r̄/, как представляется, является **тривиальным отражением** славянского *r перед непередними гласными — здесь перед *a или *o. Этого не понимал О. Денсушиану: «... le même texte [Psaltirea Hurmuzaki] offre en outre rr à l'intérieur de quelques mots... là, rr semble avoir été introduite arbitrairement par le copiste» (Densusianu 1938: 121); при этом он приводит примеры (пропускаем однокоренные): *amarră, hotarră, izvorrele, oborri, omorri, orriiașul, păharri, parră, părrasi, vorroavă, zborrulu*. Замечательно, что во всех примерах (кроме *amarră*) здесь ожидается именно *rr* — всё это славизмы (кроме германизма *păharri* и мадьяризма *orriiașul*, а также, возможно, *hotarră*)⁸.

Есть, однако, также цыганские заимствования, где можно подозревать какие-то передние гласные. Это несколько глаголов, где также имеем цыг. ř (и рум. r перед î):

кэлд. *pyřyl* ‘доносит, предаёт’ ← раннерум. *pārrî (рум. *pîrî*) ← юсл. *p̄vr-, ср. болг. диал. *прѣ се* ‘ссорюсь’;

кэлд. *vyřyl* ‘суёт’ ← раннерум. *vārrî (рум. *vîrî*) ← юсл. *v̄vr-, ср. болг. *врѣ* ‘сую’;

кэлд. *tyřyl* ‘тащит’ ← раннерум. *tārrî (рум. *tîrî*, но и стар. *tirî*, Oczko 2014: 284) ← юсл. *t̄vr-, ср. схрв. *trēm, tārēm* ‘тру’ (болг. *трѣя* ‘тру’).

Однако по крайней мере в двух глаголах — r:

кэлд. *năzarîl* ‘виднеется’ ← раннерум. *nāzārî (рум. *năzārî* ‘мерещиться; завидеть’) ← юсл. *naz̄rēti;

кэлд. *pārîl* ‘шпарит’, киш. ‘пáрит’ ← раннерум. *pārî (только с приставкой рум. *opārî* ‘ошпарить’ и др., см. ниже) ← согласно DER: 582, слав. *opariti (но см. ниже).

В чём же тут дело? Непонятно, из каких именно форм заимствованы румынские глаголы первой группы: *pîrî, vîrî, tîrî*. Например, *tîr-î* может быть из чего-то типа *tr̄-ti, *tr-ŏ (ср. схрв. *t̄rti, trēm/tārēm*), при возможных вариантах в инфинитиве типа сербск.-церк.-слав. *тр̄пти* с ятем (< *terti), ср. рус. *терѣть*. Как бы то ни было, здесь тот же рефлекс, что и перед *a или *o (в именах).

Что же касается второй группы: *năzārî, opārî*, — то эти глаголы по крайней мере в инфинитиве **содержат ять, который влияет на качество r̄-**. В случае *năzārî* ← юсл. *naz̄rēti имеем ещё рум. *zārî* ‘видеть смутно, завидеть’ ← юсл. *z̄rēti. Других вариантов инфинитива нет. А глагол *opārî*, который на первый взгляд заимствован из *o-pār̄iti, на самом деле представляет собой смешение двух глаголов: *pār̄iti и *p̄vrēti в пользу последнего, что явствует из его значений, среди которых присутствует ‘преть’: (1) ‘обливать кипящей жидкостью’, возвр. ‘ошпариться’ (← *pariti), (2) возвр. (обычно о детях) ‘вызывать у себя раны или раздражения, обычно на суставах, потом или мочой (← *p̄vrēti), (3) возвр. (диал. о кукурузе, муке, сухих растениях) ‘преть, портясь’ (← *p̄vrēti), (4) возвр. (о растениях) ‘вянуть от жары, плесневеть от солнца после дождя (← *p̄vrēti)⁹. Это значит,

⁸ Из написаний *vorroavă* ‘слово’, *vorrovi* ‘говорить’ в румынских памятниках следует высокая вероятность славянского происхождения этого гнезда. Само слово *vorová* важно ввиду его вероятной связи с рум. *vorbă* ‘тж.’, о чьей этимологии давно спорят (вторая гипотеза связывает его с лат. *verbum* ‘тж.’), см. (Pamfil 2003: 21). Возможно, и *vorová*, и *vorbă* — отглагольные имена от двух вариантов глагола (если это варианты): *vorovî* и *vorbí*. Тогда источником заимствования может быть что-то вроде укр. диал. *вогоріти* ‘говорить’ (с другой метатезой).

⁹ **OPĂRÍ**, *opăresc*, vb. IV. 1. A turna peste ceva un lichid clocotit (apă, leșie, lapte etc.) pentru a spăla, a curăța de coajă, a găti etc. ♦ Tranz. și refl. A provoca sau a căpăta arsuri, turnând sau vărsând apă clocotită sau alt lichid foarte fierbinte; a (se) arde. 2. Refl. (Mai ales despre copiii mici) A face răni și iritații în unele părți ale corpului, mai ales la încheieturi, din cauza transpirației, a urinei etc. 3. Refl. (Reg.; despre mălai, făină, plante uscate) A se

что, хотя в цыганском имеется только значение ‘шпарить’, форма этого глагола в румынском источнике не имеет отношения к славянской форме *pariti.

В позиции после согласного или перед согласным выступает только обычный /r/ (видимо, в раннерумынском не было **Crr и **rrC, хотя в исконноцыганских словах Cř, řC вполне возможны), в т. ч. в славизмах, ср. в глаголах:

кэлд. *primil* ‘принимает’ ← раннерум. **primí* (рум. *primí* ‘принимать’, стар. *priimí*, DER: 666 ← юсл. **pri-jьm-*, ср. болг. *приема, приемам, приймам* ‘принимаю’);
кэлд. *opril* ‘запрещает’ (ДД) ← раннерум. **opri* (рум. *opri* ‘остановить’) ← юсл. **o-p(ь)r-* (с падением ера; ср. *pírí* ← **pьr-* без приставки), ср. болг. *опра* ‘обопру’ и мн. др.

Из всего этого делаем вывод, что между гласными в языке-источнике славизмов встречалось два аллофона фонемы /r/. Один из них — мягкий (перед ятем в славянском источнике) передавался румынской фонемой /r/, а другой (во всех остальных случаях, в т. ч., видимо, всегда в начале) передавался румынским /ř/ (раскатистым). Эта разница точно воспроизводилась цыганами с помощью двух соответствующих фонем.

В цыганском есть также простое /r/ в существительном, где можно предполагать (с натяжкой) славянский исход на *-rb (т. е. перед ерем), чему, однако, противоречит написание в старорумынском:

кэлд. *iforo* ‘метель’ ← раннерум. *?*iforu* (рум. *vihor* ‘вихрь’, диал. *vivor*; в памятниках: *vihorrulu*, *Densusianu* 1938: 121) ← юсл. **vixorb*, ср. близкую форму (с *-b-, а не *-o- в основе) болг. *вихрь*; конечное *-b имеем в рус. *вихрь* — впрочем, тогда непонятно, откуда окончание раннерум. *-и.

Кроме того, в цыганском простое /r/ выступает в суффиксе -ar- (частично славянского происхождения):

кэлд. *bufári* ‘книга, кошелёк’ ← раннерум. **bufári* (рум. стар. *bucváriu*, *bucvári*, *bucóar*, *bufár* ‘церковная книга’) ← юсл. **bukъvār(j)ь*.

В новогреческих заимствованиях через румынский — только /r/:

кэлд. *zàharo* (ДД), *zàro* ‘сахар’ ← раннерум. **záharu* (рум. *záhar*) ← нгр. ζάχαρ(ο);
кэлд. *vorèzo* ‘рис’ ← раннерум. **orézu* (рум. *oréz*) ← (?) нгр. ορούζι, ορούζα, с неясным окончанием и корневым гласным в румынском (DER: 584);
кэлд. *kàramida* ‘кирпич’ ← раннерум. **kărămida* (рум. *cărămidă*) ← ср.-гр. κεραμίδα (DER: 142).

Это значит, что румынский язык по-разному воспринимал славянское и греческое /r/.

Что касается других языков-источников, то по цыганскому видно, что немецкое и турецкое /r/ по крайней мере в части случаев румынский передавал через */ř/:

кэлд. *pahàřo* ‘стакан’ ← раннерум. **pahárru* (рум. *pahár*; в памятниках: *păharru*, *Densusianu* 1938: 121) ← свн. *behhari* (неясно окончание);
кэлд. *tatàřo* ‘мусульманин’ ← раннерум. **tatárru* (рум. *tătár* с редукцией) ← тур. *tatar*;
кэлд. *katỳřo* ‘мул’ (ДД) ← раннерум. **katírru* (рум. *catír*) ← тур. *katır*.

încinge, alterându-se. 4. Refl. (Despre plante) A se ofili, a se veșteji (din cauza căldurii); a se măna din cauza soarelui prea fierbinte apărut după ploaie (DEX).

Загадочное слово:

кэлд. *kàpara* ‘залог в виде подарка невесте’ ← раннерум. ? (рум. *capără*) ← ит. *caparra* ‘залог’ при схрв. *kàpara* и нгр. *καπάρο* (среднего рода) (DER: 136); непосредственный источник заимствования в румынский неясен, отсутствие /r̄/ загадочно; может быть, это пример новорумынской формы в кэлдэрарском?

Конец слова (?)

В кэлдэрарском есть всего одно слово (слово-высказывание), для которого в «раннерумынском» можно предполагать отсутствие гласного окончания. Это слово (в роли союза) румыны должны были заимствовать, не добавляя никакого гласного в конце:

кэлд. *bàtăř* ‘ей-богу’ ← раннерум. **bătărr* (рум. диал. *bătîr*, *bătăr* ‘хотя; по крайней мере’) ← венг. *bátor* ‘quoique, quand même’ (Cihac 1879: 481).

Возможно, такое конечное венгерское *-r* всегда передавалось как /r̄/.

Возвращаясь к рефлексам южнославянского **r*, в целом понятно, что они не различаются перед слав. **i* и **y*. В начале слова всегда имеем **rrî-*, однако это не значит, что на стадии заимствования из славянского в румынском не было **ri-*¹⁰:

рум. *Rîm* ‘Рим’ (при, видимо, более новом *Rim*) < **Rrîmu* ← юсл., ср. болг. *Рим*, схрв. *Rîm*, *Rîma* < **Rîmъ*; также *rîmleán* ‘римлянин’;
рум. *rîbiță* ‘нек. виды мелких рыб’ < **rrîbița* ← юсл., ср. болг. *рѹбица* < **rŷbica*; сюда же рум. *rîmnic* ‘пруд’;
и мн. др. (в т. ч. *rîza* ‘риза’, *rîs* ‘рысь’).

На начальное слав. **rě-* надёжных примеров нет, но есть один на начальное слав. **rb-*, которое тоже даёт твёрдость (?):

рум. *rîvni* ‘жаждать’ < **rrăvni* ← юсл., ср. болг. диал. *рѣвна се* ‘нравлюсь’ < **rŷvni-*; самые ранние написания: *răvni*, затем *rîvni*, *rîmni*, *revni* (уподобление гласных?) (Oszko 2014: 253).

В середине слова имеется всего несколько примеров на слав. **-ri-* с обоими рефлексамии в румынском, ср. *-rî-* (по крайней мере, один пример)¹¹:

рум. *tărîță*, обычно мн. *tărîțe* ‘отруби’ < **tărrîța* ← юсл., ср. болг. мн. *трѹци*, схрв. мн. *trīce* ‘тж.’ < **tŷrīca*, очевидно, ⇐ **tŷr-* ‘тереть’; таким образом, здесь не павший ер, так же, как в однокоренном *tîrî* ‘тащить’ (см. выше), что может говорить о раннем времени заимствования;

¹⁰ Исконные румынские слова на *ri-* типа *risipi* ‘рассыпать’, *ridică* ‘поднимать’, *ridiche* ‘репа’, по-видимому, во всех случаях — результат ассимиляции *_ă_i_ > _i_i_* (ср. варианты *răsipi*, *rădică*, *rădiche*). То же касается слов на *re-*, где *_ă_e_ > _e_e_*, ср. *retéz* ‘щеколда’, *reveni* ‘вымачивать’ и др. Можно думать, что эта ассимиляция стала возможна, т. к. к этому моменту уже стало возможным простое начальное *r-*. Это в какой-то степени так уже с XVII в. (хотя формы типа *risipi* ещё редки) (Rosetti 1986: 450). Простое начальное *r-* выступает в поздних заимствованиях, ср. рум. *rip* ‘грязный’ ← нгр. *ρύπος* (DER: 701), *rif* ‘мера длины’ ← тур. *rif* (DER: 699).

¹¹ Сюда явно не относится рум. *țărînă* ‘пахотная земля’, которое иногда возводят к южнославянскому, ср. схрв. *čarina* ‘пошлина’. Впрочем, вероятно, имела место контаминация, судя по вариантам *țărînă*, *țarină* (DER: 826); латинское происхождение от **terra* подтверждается написанием в румынских памятниках: *țerrină*, наряду с *țărînă* (Rosetti 1986: 480).

Но и *-ri-*:

рум. *coriță* ‘корыто’ ← юсл. ?, ср. болг. *korúto*, схрв. *kòrito* < **korýto*;

рум. *verigă* ‘звено; кольцо’ ← юсл. ?, ср. болг. *verúga*, схрв. *vèriga* < **verìga* (рум. *verigă* → кэлд. *viriga* ‘кольцо’);

рум. *pérină*, вар. *pernă* ‘перина’ (первый вариант, видимо, более старый, однако встречается только с конца XVII в., Oczko 2014: 215) ← юсл. ?, ср. болг. *périna*, схрв. *pèrina* < **perina* (рум. *pérină* → кэлд. *pèrina* ‘перина’).

Славизмы с суффиксом *-ica* дают *-ri-* (все, кроме *țărîță*, см. выше): *vèveriță* ‘белка’ ← **věverica*; *iriță* ~ *ierîță* ‘яровая пшеница’ ← **jaríca* и нек. др. с менее ясными источниками (Pascu 1916: 254); ср. также с колебанием *toporîște*, *toporîște* ← *toporište* (из какого языка?) (Pascu 1916: 253).

Как бы то ни было, видно, что слав. *у прямо не отражается в заимствованиях как рум. *î*. Возможно, на начальных стадиях любое слав. *rV, где V = *i, *y, давало раннерум. *rrî (тогда *-ri-* в румынском объясняется поздним заимствованием из славянского). Без этого предположения распределения между рум. *rrî и *ri в славизмах-именах обнаружить не удаётся. Поэтому вряд ли уместно рассматривать такие заимствования отдельно¹².

Исходя из этого, можно предположить, что в южнославянском диалекте, из которого заимствовали слова носители «раннерумынского» языка, *у и *i уже слились. Из наличия нескольких примеров на *rrî может следовать, что это слияние произошло скорее в пользу *у ввиду предшествующего */r/. Возможно, другие согласные смягчались сильнее, ср. рум. *cobilă* ‘кобыла’ ← юсл. **kobila* < **kobýla*; рум. *vidră* ‘выдра’ ← юсл. **vidra* < **výdra* и т. д. (Densusianu 1901: 273). В любом случае, в источнике не было двух фонем /i/ и /y/¹³.

Как было показано выше, немногочисленные славянские глаголы на *-Vr-*, попавшие через румынский в цыганский, распределены в нём между *-řy-* и *-ri-* по наличию *ě в исходе основы славянского глагола (*pyřyl*, *tyřyl*, *vyřyl*, но *nazərìl*, *pərìl*). При этом в самом румынском это противопоставление, видимо, в какой-то момент начало затуманиваться, так что глаголы на *-rî* сейчас нередко имеют варианты на *-rí*, и наоборот. Эти варианты в какой-то степени уже присутствуют в румынских памятниках (выше упомянут вариант *tirî* XVI в.), но цыганским не отражаются (правда, примеров мало).

В книге Oczko 2014 приведены многочисленные примеры славизмов из румынских памятников в основном XVI–XVII вв. (автор расписала данные нескольких словарей). В словарной части книги даётся заглавная форма слова, а затем указания на год и источник данных, а также варианты. Выбор заглавной формы обусловлен современным литературным вариантом, но именно он — среди этих глаголов, — судя по материалу, чаще всего является единственным в памятниках (только у одного глагола есть вариант). Приведём интересующие нас славянские глаголы, данные в этой работе, не попавшие в цыганский (попавшие мы дали выше) с их вариантами (и источниками заимствований).

¹² Общепринятое мнение на этот счёт нам неясно. Обычно слова со слав. *i и *y разделяются, ср. Oczko 2014: 64, 65, где говорится, что *у даёт *î* только после *r*. Это создаёт иллюзию непосредственного соответствия, но точно так же отражается и *i (кроме того, приводимые Очко *pretcă* при схрв. *pritka* и *vedeală* при болг. «*vidělo*» не могут быть доводом в пользу отдельной судьбы *-i-*, т. к. в первом случае первична форма с ятем *preatcă*, мн. *pretci*, *-e*, а во втором — дело явно в румынском корне *ved-*, DER: 889). Неясна и позиция Росетти (Rosetti 1986: 307).

¹³ Этому, на первый взгляд, противоречит рум. *prîsni* ‘брызгать’, приводимое как заимствование из слав. *prysnoti* (Oczko 2014: 65). На самом деле, вероятно, *prîsni* — не что иное как фонетический вариант *pîrsni* (по Scriban 1939: 990 *pîrsni* — на востоке) ← юсл. **přsnuti* (схрв. *přsnuti*, болг. *прѣсна*).

На *-rî*:

рум. *doborî* и *oborî* ‘валить’ (в памятниках: *oborri*, Densusianu 1938: 121) ← юсл. **do-/o-borîti* (ср. схрв. *obòriti* ‘свалить’);

рум. *omorî* ‘убивать’, *zamorî* ‘уморить’ (в памятниках: *omorri*, Densusianu 1938: 121) ← юсл. **u-?/za-morîti* (ср. схрв. *mòriti* ‘морить’);

рум. *coborî* ‘спускаться’, м. б., ⇐ рум. *pogór* ‘спуск’¹⁴ ← юсл. ?, ср. др.-рус. *погорь* ‘вниз’ (поэтому, м. б., это отымённый глагол, а не заимствованный);

рум. *oṭârî* ‘злиться’ ← юсл. **o-cěriti* (ср. схрв. *cěriti se* ‘скалиться’);

рум. *zădărî* ‘дразнить, задира́ть’ ← юсл. **za-dbr-* (ср. схрв. *zàdrēm* ‘задерж’);

рум. *ocărî* (вар. *ocări*) ‘оговаривать’ ← юсл. **u-?korîti* (ср. схрв. *kòriti* ‘корить’).

В части случаев показательно написание *-rri* в памятниках при совр. рум. *-rî*:

рум. *pojari* ‘зажечь’ ← юсл. **požariti*; в памятниках: *pojerrri-se-vor* (Densusianu 1938: 121) (в Oczko 2014: 225 приводится с *-ri*, очевидно, по недосмотру).

Отсутствие такого написания в памятниках непоказательно (часть памятников совсем не отражает *-rr-*, в части отражение непоследовательно); так, только с одинарным *-r-*: *dvori* ‘служить’, *blagodari* ~ *blagodări* ‘благодарить’.

Только на *-rî*:

рум. *zârî* ‘видеть смутно, завидеть’ (и с приставками: *năzârî*, см. выше) ← юсл. **zvrěti* (ср. схрв. *zrěti* ‘зреть, видеть’);

рум. *dogorî* ‘разгораться’, *prigorî* (возвр.) ‘жариться’ ← юсл. **do-/pri-gorěti* (ср. схрв. *gòrjeti* ‘гореть’).

Возможно, сюда же можно отнести:

рум. *preapări* ‘убедить’ ← юсл. **prěpърěti*; (в памятниках: *preapări*, но деепр. *preapărînd*, Densusianu 1938: 524).

Все три глагола на *-rî* — ятевые (сюда же относится *opări*, о котором см. выше), а глаголы на *-rî* — нет. Тем самым как будто подтверждается (хоть и на весьма скудном материале) замеченное нами распределение.

В современном румынском это распределение почти совсем затёрто. Так, имеются варианты: *oṭârî* ~ *oṭârî* ‘злиться’; *ogorî* ~ *ogorî* ‘выжечь [поле]’; *dogorî* ~ *dogorî* ‘разгораться’; только *izgorî* (возвр.) ‘греться, преть’ (о зерне); *zădărî* ~ *zădări* ‘дразнить’, сюда же *ijderî* (*ijdări*, *izdări*, *jidări*) ~ *jidări* ‘изобретать, тормозить’; *zătărî* ~ *zatări* (также без еря: *zătrî*) ‘губить’; *dîrî* ~ *dîri* ‘топтать, следить’ (DER: 292) и мн. др. глаголы-славизмы с более или менее ясной этимологией. Имеется также некоторое число глаголов без варианта *-rî*, ср. *găvări* ‘говорить’, вероятно, более новых. Итак, современное распределение совершенно непоказательно. Однако, полагаясь на работу Oczko 2014, мы предположили, что эта ситуация вторична. Если так, то можно считать, что северновлашские цыганские диалекты удивительным образом сохраняют важный румынский архаизм.

В любом случае, разбор упомянутых древних румынских славизмов (в их современном цыганском облике), судя по всему, проливает свет на довольно древнее состояние фонологии каких-то южнославянских диалектов (раннеболгарских?), а именно — позволяет с высокой точностью вообразить реализацию в них двух аллофонов /r/, отразившихся как две фонемы в румынском. Эти наблюдения могут помочь в т. ч. при уточне-

¹⁴ Видимо, сюда же *pogorî*, значение = *coborî* (DER: 2201).

нии датировки миграции цыган и, возможно, также раннего румынско-славянского культурного взаимодействия.

Кроме того, мы показали, что в румынских диалектах, окружавших цыган, совершенно явственно сохранялись две фонемы: */r̄/ и */r/, которые непоследовательно отражаются румынскими памятниками. Из того, что у цыган (живших на румыноязычной территории до середины или конца XIX в.) это различие осталось нетронутым, следует, по-видимому, что в румынском языке оно исчезло совсем недавно.

Итак, в раннерумынском языке могло быть следующее распределение (для исконных слов и славизмов; о других заимствованиях и о конечной позиции см. выше):

	в начале	в середине (V_V)
унаследованные латинские слова	r- > rr-	-r- > -r- -rr- > -rr-
заимствования из южнославянского	*r- → rr-	*-r- (перед *ǣ, *b) → -r- *-r- (проч. случаи) → -rr- (возможно, с колебаниями перед *i)

Сделанные нами выводы не приводят к каким-либо суждениям о фонематическом статусе «твёрдого» и «мягкого» -r- в южнославянской эпохи его активных контактов с дакорумынским. Однако важно, что акустически они были достаточно различны, чтобы передаваться разными романскими фонемами.

Сама потеря противопоставления псл. *y и *i широко демонстрируется всеми славянскими языками региона. Так, эти фонемы слились во всех славянских языках, кроме части восточнославянских и западнославянских диалектов. Разные рефлексy дают следующие языки: русский, белорусский, маргинальные украинские диалекты, польский, лужицкие, в чешском и словацком это различие в части случаев видно по предшествующим согласным. В остальных это противопоставление пропало довольно рано. Судя про рассмотренному в этой статье материалу, сначала слияние этих двух фонем фонетически прошло в пользу *y (такова современная ситуация в большинстве украинских говоров, в т. ч. в литературном). Вероятно, таков был и ранний южнославянский диалект, с которым контактировали румыны, и именно этот факт отразился в северновлашских цыганских диалектах.

Литература

- БЕР = Во. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, М. Рачева, Т. Ат. Тодоров и др. (ред.). 1971–2002. *Български етимологичен речник*. София: Академично издателство «Проф. М. Дринов».
- Гинкуловъ, Я. Д. 1840. *Начертание правилъ валахо-молдавской грамматики, составленное Я. Гинкуловымъ*. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
- ДД = Деметер, Р. С., П. С. Деметер. 1990. *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)*. Под редакцией Л. Н. Черенкова. Москва: Апостроф.
- Кожанов, К. А. Рукопись. *Грамматика кишинёвского диалекта; Русско-цыганский словарь: кишинёвский диалект*. Неопубл. рукопись.
- Ослон, М. В. 2018а. *Язык котляров-молдова. Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении*. Москва: Языки славянской культуры (в печати). Электронная версия доступна по адресу: [www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон М.В. Язык котляров-молдова.pdf](http://www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон%20М.В.%20Язык%20котляров-молдова.pdf).
- Ослон, М. В. 2018b. *Историческая фонетика цыганских диалектов*. Неопубл. рукопись. Электронная версия доступна по адресу: [www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон М.В. Историческая фонетика цыганских диалектов.pdf](http://www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон%20М.В.%20Историческая%20фонетика%20цыганских%20диалектов.pdf).

References

- BER = Vo. Georgiev, Iv. Gălăbov, J. Zaimov, St. Ilčev, M. Račeva, T. At. Todorov et al. (eds.). 1971–2002. *Bălgarski etimologičen rečnik*. Sofia: Akademično izdatelstvo «Prof. M. Drinov».
- Cihac, Alexandru de. 1879. *Dictionnaire d'étymologie daco-romane*. Francfort s/M: Ludolphe St-Goar.
- DD = Demeter, R. S., P. S. Demeter. 1990. *Cygansko-russkij i russko-cyganskij slovar'* (kêldêrarskij dialekt). Pod redakcij L. N. Čerenkova. Moskva: Apostrof.
- Densusianu, Ovide. 1901. *Histoire de la langue roumaine. Tome 1. Les origines*. Paris: Leroux.
- Densusianu, Ovide. 1938. *Histoire de la langue roumaine. Tome 2. Le seizième siècle*. Paris: Leroux.
- DER = Cioranescu, Alejandro. 1966. *Diccionario etimológico rumano*. Universidad de la Laguna.
- DEX = Academia Română. *Dicționarul explicativ al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită)*. 2009. București: Institutul de Lingvistică „Iorgu Iordan – Alexandru Rosetti”, Editura Univers Enciclopedic.
- Ginkulov, Ja. D. 1840. *Načertanie pravil valaxo-moldavskoj grammatiki, sostavlennoe Ja. Ginkulovym*. Sankt-peterburg. V tipografii Imperatorskoj Akademii Nauk.
- Kožanov, K. A. Ms. *Grammatika kišinjovskogo dialekta; Russko-cyganskij slovar': kišinjovskij dialekt*. Unpublished manuscript.
- Scriban, August. 1939. *Dicționarul Limbii Românești*. Iași.
- Oczko, Anna. 2014. *Rumuńska słowiańszczyzna. Zapożyczenia południowosłowiańskie w języku rumuńskim w XVI i XVII wieku*. Kraków: Collegium Columbinum.
- Oslon, M. V. 2018a. *Jazyk kotljarov-moldovaja. Grammatika kêldêrarskogo dialekta cyganskogo jazyka v russko-jazyčnom okruženii*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury (in print). Online version available at: [www.rromanes.org/pub/Oslon/Oslon M.V. Язык котляров-молдовая.pdf](http://www.rromanes.org/pub/Oslon/Oslon%20M.V.%20Jazyk%20kotljarov-moldovaja.pdf).
- Oslon, M. V. 2018b. *Istoričeskaja fonetika cyganskix dialektov*. Unpublished manuscript. Online version available at: [www.rromanes.org/pub/Oslon/Oslon M.V. Историческая фонетика цыганских диалектов.pdf](http://www.rromanes.org/pub/Oslon/Oslon%20M.V.%20Istoričeskaja%20fonetika%20cyganskix%20dialektov.pdf).
- Pamfil, Carmen-Gabriela. 2003. *O etimologie controversată: vorbă < (v. rom. dvorbă <) sl. dvoriba*. *Anuar de Lingvistică și Istorie Literară XXXIX-XLI*: 7–30.
- Pascu, Gîorge. 1916. *Sufixele românești*. București: Socec & Co.
- Rosetti, Alexandru. 1986. *Istoria limbii române. I. De la origini pînă la începutul secolului al XVII-lea. Ediție definitivă*. București: Editura Științifică și Enciclopedică.
- Skok, Petar. 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti.

Mikhail Oslon. The reflexes of South Slavic *r in borrowings from Old Romanian into Romani

A thorough examination of North Romani (Kelderar and Kišyniovar) borrowings from Romanian dialects confirms that (1) Romanian has, until quite recently, rigorously preserved Latin *-rr-* word-internally, and that (2) in Balkan Romance dialects, including Romanian, Lat. *r* > *rr-* word-initially. It also leads us to a new observation that (3) the South Slavic dialect which was the source of numerous loans into “Early Romanian” possessed two distinct allophones of /r/: a soft (palatalized) one — before *ě (possibly, also before *b) — and a hard (non-palatalized) one — in all other contexts (in particular, before *e and probably before *i) — which yielded Romanian *-r-* and *-rr-*, respectively.

Keywords: Romani, Romanian, South Slavic, language contact, historical phonology